

А. А. Селин, В. И. Клейменов

ПОСАДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СТАРОЙ РУССЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВОЙ КНИГИ 1497/98 Г.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена жителям Старой Руссы по материалам писцовой книги 1497/98 г. На основе данного источника определяется количество землевладельцев периода новгородской независимости и уточняется происхождение своеземцев. Рассматриваются вопросы имянаречения, мобильности и профессиональной принадлежности посадских людей, а также структура домохозяйств. Дальнейшая работа позволит уточнить предварительные выводы и сопоставить эти данные с описаниями Старой Руссы XVII в.

Ключевые слова: социальная история, посадские люди, малый город, писцовые книги, Старая Русса, XV век

Для цитирования: Селин А. А., Клейменов В. И. Посадское население Старой Руссы по материалам Писцовой книги 1497/98 г.: предварительные наблюдения // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 465–473. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).465-473

Писцовая книга Шелонской пятины письма М. И. Валуева 1497/98 г. (далее – ПК 1497/98) содержит первое сохранившееся описание посада новгородского пригорода Русы (совр. г. Старая Русса). Фрагменты описания Старой Руссы вводились в научный оборот несколькими этапами; сводный текст сохранившихся фрагментов был составлен и опубликован И. Ю. Анкудиновым в 2009 г. [Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв., 2009].

Данный источник заметно отличается от более поздних дозорных и переписных книг XVII в. Как уже было отмечено исследователями, главное отличие писцовой книги 1497/98 г. заключается в способе организации пространства: описание посада в ней приводится по концам и по категориям дворов (великокняжеские, владычные, монастырские, церковные, своеземческие) [Анкудинов, 2009, с. III–IV]. При перечислении дворов великого князя в обязательном порядке указываются имена прежних «сведенных» землевладельцев (бояр и житых людей) – напоминание о временах новгородской независимости. Таким образом, описание посада Старой Руссы в ПК 1497/98 основано на владельческой принадлежности дворов [Анкудинов, 2009, с. IV]. Упоминания же улиц и переулков, характерные для дозорных и переписных книг XVII в., напротив, практически отсутствуют – они встречаются только применительно к своеземцам и служат для уточнения их происхождения [Анкудинов, 2009, с. 11, 19–20, 31]. Вместо названий улиц для топографической привязки используются местные топонимы (например, Красная Лука), а также р. Полисть («на Полисте в берегу») [Анкудинов, 2009, с. 6, 9].

Сохранившиеся в ПК 1497/98 упоминания прежних землевладельцев позволяют составить список «сведенных» бояр и житых. Данный перечень, однако, не является полным, поскольку некоторые листы в рукописи отсутствуют (так, например, утрачено описание великокняжеских дворов в Середке и Песьем конце) [Анкудинов, 2009, с. 12, 16].

Таблица 1. Список сведенных из Русы землевладельцев по материалам писцовой книги 1497/98 г.

№	Имя землевладельца (-ев)	Топографическая привязка	Количество дворов
1.	Григорий Тучин	Рогов конец	7 дворов
2.	Иван (Демид) Парфин	Рогов конец	7 дворов
3.	Семен Рогачев	Рогов конец	1 двор
4.	Иван Медников	Рогов конец, Минин конец	2 двора в Роговом конце, 3 двора в Мининском конце
5.	Федор Морозов	Рогов конец, Середка, Минин конец	2 двора в Роговом конце, неизвестное кол-во дворов в Середке, 1 двор в Мининском конце
6.	Иван Стригин (Розстригин)	Рогов конец	3,5 двора (один из дворов большой, полдвора совместно с Захарием Павчиным)
7.	Михаил Ерофеев	Рогов конец, Середка	1 двор в Роговом конце, неизвестное кол-во дворов в Середке
8.	Иван Бурков	Рогов конец	1 двор
9.	Григорий Кошуркин	Рогов конец, Минин конец	2 двора в Роговом конце, 2 двора в Мининском конце
10.	Захарий Павчин	Рогов конец	0,5 двора (совместно с Иваном Розстригиным)
11.	Семен Симанов	Рогов конец	1 двор
12.	Фома Куретников (Курятников)	Рогов конец	3 двора (совместно со Свеситскими)
13.	Свеситские	Рогов конец	3 двора (совместно с Фомой Куретниковым)
14.			
15.			
16.	Михаил Берденев (Берднев)	Рогов конец, Середка	2 двора в Роговом конце (совместно с Федором Берденевым), неизвестное кол-во дворов в Середке
17.	Федор Берденев (Берднев)	Рогов конец	2 двора (совместно с Михаилом Берденевым)
18.	Никита Костин Коростелев	Рогов конец	1 двор (огород на том же дворе отдан ему на позем)
19.	Василий Мясников	Середка	неизвестное кол-во дворов
20.	Василий Костелев	Середка	неизвестное кол-во дворов
21.	Никита Лаврентьев	Середка	неизвестное кол-во дворов
22.	Исак Рамышовский (Рамышов)	Середка	неизвестное кол-во дворов
23.	Григорий (Гридя) Нагаткин	Середка	2 двора
24.	Иван Кочергин	Середка	неизвестное кол-во дворов
25.	Никита (Микита) Иванов	Середка	неизвестное кол-во дворов
26.	Иван Глотов	Середка	неизвестное кол-во дворов
27.	Иван Федоров	Середка	неизвестное кол-во дворов
28.	Иван Дмитриев	Середка	неизвестное кол-во дворов
29.	Дмитрий Деревяжкин	Середка	неизвестное кол-во дворов
30.	Федор Антифов	Середка	неизвестное кол-во дворов
31.	Лука Климентьев (Климянтьев)	Середка	неизвестное кол-во дворов

32.	Ананий Богданов	Середка	неизвестное кол-во дворов
33.	Андрей Кочергин	Середка	неизвестное кол-во дворов
34.	Василий Куров	Середка	неизвестное кол-во дворов
35.	Павел Преснокозов	Середка	неизвестное кол-во дворов
36.	Ефрем Медведнов	Середка	неизвестное кол-во дворов
37.	Юрий Репохов	Середка	неизвестное кол-во дворов
38.	Александр Столбов	Середка	неизвестное кол-во дворов
39.	Пантелей Александров	Середка	неизвестное кол-во дворов
40.	Илья Слизов	Середка	неизвестное кол-во дворов
41.	Григорий Кривой	Середка	неизвестное кол-во дворов
42.	Никифор (Микифор) Кузмин	Середка	неизвестное кол-во дворов
43.	Василий Марков (Макаров)	Середка, Минин конец	неизвестное кол-во дворов в Середке, 15 дворов в Мининском конце
44.	Офромей Григорьев	Середка	неизвестное кол-во дворов
45.	Семен Кривошеин	Минин конец	6 дворов (совместно с сыном Андреем Кривошеиным)
46.	Андрей Кривошеин	Минин конец	6 дворов (совместно с отцом Семеном Кривошеиным)
47.	Семен Свинухов	Минин конец	5 дворов
48.	Есип (Еска) Фекин	Минин конец	2 двора
49.	Богдан Трубицын	Минин конец	1 двор
50.	Есип (Еска) Пропадышов	Минин конец	4 двора
51.	Кирилл Тарасьин	Минин конец	11 дворов
52.	Лука Волкоморов	Минин конец	4 двора
53.	Максим Кобылкин	Минин конец	34 двора
54.	Панфил Исаков	Минин конец	8 дворов
55.	Григорий (Гридя) Бородин	Минин конец	1 двор
56.	Григорий (Гридя) Кириллов	Минин конец	1 двор
57.	Карп Михеев Цветной	Минин конец	3 двора
58.	Иван Васильев Краснолуцкий	Минин конец	1 двор
59.	Аксентий Щоткин	Минин конец	2 двора
Итого: 59 известных землевладельцев, 140 дворов.			

Поместив имена 59 известных землевладельцев в таблицу, можем увидеть, что, как минимум, пятеро из них имели дворы в разных концах города. На общем фоне также выделяется ряд семей (см. Кирилл Тарасьин, Василий Марков (Макаров), Максим Кобылкин), в распоряжении которых было от десяти до нескольких десятков дворов. Такими внушительными владениями могли располагать не только бояре, но и некоторые житьи [Бернадский, 1961, с. 173]. Как следствие, данные о количестве дворов, находившихся в собственности у того или иного семейства, не позволяют однозначно установить его социальный статус. Особый интерес представляет случай «сведенного» Никиты Костина Коростелева (табл., № 18), владевшего одним двором в Роговом конце: несмотря на то, что он лишился двора, огород на нем был отдан Коростелеву «на позем» [Анкудинов, 2009, с. 4–5]. Коростелевы, судя по всему, прочно обосновались в Руссе. По имени этого семейства, вероятно, даже была названа одна из улиц в Роговом конце – Коростелева улица, известная по описаниям XVII в. [Анкудинов, 2009, с. 48, 143–144, 300–301]. В целом процесс «сведения» к моменту составления ПК 1497/98 еще не завершился, о чем свидетельствует случай Панфила

Исакова (табл., № 54), который должен был отдать свои дворы «к Воскресенью на Красную Горку после письма» [Анкудинов, 2009, с. 23].

Что же касается своеземцев, то среди них доминируют лица местного происхождения – рушане и новгородцы [Анкудинов, 2009, с. 11, 19, 23]. Это обстоятельство служит аргументом к утверждению о формировании этого чина в новом московском обществе преимущественно из житых эпохи новгородской независимости [Селин, 2003, с. 316–338]. Кроме того, у нескольких своеземцев обнаруживаются родственные связи со «сведенными» землевладельцами. Так, например, своеземец Филипп Андреев Кочергин, владевший двумя полудворами и живший на одном из них со своими шуринами, очевидно, был сыном «сведенного» Андрея Кочергина (табл., № 33) [Анкудинов, 2009, с. 15]. Приходиться родственником «сведенному» из Руссы Федору Морозову (табл., № 5) мог новгородский своеземец Иван Морозов («из Новагорода с Рогатицы»), который имел в Руссе один двор, но при этом сам на нем не жил [Анкудинов, 2009, с. 31]. Вместе с тем, родственные связи устанавливаются не только между своеземцами и «сведенными» – в некоторых случаях они обнаруживаются и с посадскими людьми. Своземец Иван Иванов Цветной и посадский Михайло Иванов Цветной, вполне вероятно, находились в родстве со «сведенным» Карпом Михеевым Цветным (табл., № 57) [Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв., 2009, с. 21, 31]. Родственником уже упоминавшегося выше Никиты Костина Коростелева (табл., № 18) может быть один из посадских людей – Гаврилка Коростелев [Анкудинов, 2009, с. 7].

При рассмотрении посадского населения Старой Руссы прежде всего обращают на себя внимание стратегии имянаречения. Помимо распространенных христианских (церковных) имен, у посадских людей встречаются и довольно редкие, такие как: *Галл / Галактионко* и *Лаш / Лашко* (сокр. от Галактион) [Веселовский, 1974, с. 178], *Гурей* (Гурий), *Епифан* (Епифаний), *Иевик* (Иов), *Июдка* (Иуда), *Кур* (Кир), *Кирианко* (Кириан), *Кипро* (Киприан), *Конон/Конан*, *Лавер* (Лавр), *Логиник* (произв. от Лонгин), *Мануха* (Мануил), *Неронко* (Мирон), *Нестер* (Нестор), *Обрам* (Абрам), *Оверкий* (Аверкий / Аверьян), *Омос* (Амос), *Ондрон* (Андрон / Андроник), *Орефа* (Арефа), *Острат / Острапко / Еустратко* (Евстрат), *Полутка* (Полукт), *Пумин* (Пимен), *Самуха* (Самуил), *Симаник / Симанко* (Симон), *Созонко* (Созон), *Тит*, *Ульян* (Юлиан/Юлий), *Устин* (Юстин / Юстиниан), *Фал / Фалелей*, *Фефилат* (Феофилакт), *Фефилко* (Феофил), *Фофан* (Феофан), *Фрол* (Флор) и *Харло* (Харламбий). Кроме того, наравне с полными формами христианских имен также фигурируют разговорные и сокращенные формы. Особенно распространенными являются формы на –хно, характерные для Северо-Запада Руси: *Грихно* (Григорий) [Веселовский, 1974, с. 89], *Зехно / Зихно* (Зиновий) [Веселовский, 1974, с. 123], *Ивахно* (Иван), *Митрохно* (Митрофан), *Олехно / Олухно* (произв. от Елисей или Евферий через разг. форму Олфер / Олферий?) [Ганжина, 2015, с. 143], *Остахно* (произв. от Евстафий через разг. форму Остах / Остафий), *Прохно* (Прохор), *Рохно* (Родион), *Сахно* (Александр или Софрон?), *Стехно* (Степан), *Тимохно* (Тимофей), *Трухно* (Трофим или Трифон?) [Веселовский, 1974, с. 323], *Юхно* (Юрий) [Веселовский, 1974, с. 379] и *Яхно* (Яков) [Веселовский, 1974, с. 382]. Вместе с тем, с крестильными именами и производными от них соседствуют некалендарные, а также трудно идентифицируемые имена: *Белко*, *Богдан*, *Боранко*, *Бурец*, *Горошко*, *Девятой*, *Истома*, *Клещ*, *Корелко*, *Креня*,

Кунко, Ласица, Любовец, Нарожно, Тучко, Огубало, Огур, Соница / Соня (мужское имя), Трясца, Ушак, Цепола и Шпанко. Примечательно, что лица, связанные с церковью, не были исключением. У них также встречаются «народные» и разговорные формы христианских имен: среди священников выделяются поп Патруша (Патрикий) [Унбегаун, 1989, с. 67] и мининский поп Курян (Кир), а среди церковнослужителей – спасский староста Микула (Николай) и юрьевский пономарь Мосяга (Моисей) [Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв., 2009, с. 6, 26, 28, 29]. Представляется перспективной возможность сравнить эти наблюдения в области ономастики с данными XVII в. [Селин, 2010, р. 32-50].

Некоторые прозвища посадских людей, в свою очередь, указывают на их происхождение. Среди прочих выделяются прозвища-«этнонимы»: *Корела* (у двух человек, также имя *Корелка* – один раз) [Анкудинов, 2009, с. 12, 16, 18], *Литвин* (у четырех человек) [Анкудинов, 2009, с. 4, 12, 26] и *Немчин* (у одного) [Анкудинов, 2009, с. 4]. По всей видимости, этническую окраску имеет и прозвище *Вошко / Вошка* – т.е. вожанин (представитель одного из прибалто-финских этносов – води), которое встречается у четырех человек [Анкудинов, 2009, с. 8, 17, 22, 23]. Это предположение было впервые озвучено в статье Б. И. Чибисова [Чибисов, 2017, с. 152]. И хотя предложенная им интерпретация не так очевидна, как в случае с другими прозвищами-«этнонимами», исследователю удалось привести ряд весьма убедительных аргументов, подтверждающих обоснованность данной гипотезы. В частности, Б. И. Чибисов ссылается на грамоту архиепископа Макария от 1534 г., в которой новгородский владыка сетует на сохранение языческих традиций «въ Чюди, и въ Ижере, и въ Вошкехъ», а также на аналогичную грамоту архиепископа Феодосия от 1548 г., написанную «въ Чудь, и въ Ижеру, и въ Вошки» [Дополнения..., 1846, стб. 29, 57]. В заключении Б. И. Чибисов приходит к выводу о полиэтничности населения Русы [Чибисов, 2017, с. 158]. Кроме того, среди тяглых жителей посада Старой Руссы в ПК 1497/98 упоминается один человек с прозвищем *Рязанец* [Анкудинов, 2009, с. 21]. Данные прозвища говорят о мобильности населения в рассматриваемый период: в крупнейшем новгородском пригороде, помимо самих рушан и новгородцев, проживали выходцы из других земель Руси (например, Рязани), водских погостов и Корельского уезда Водской пятины (входившей в состав Новгородской земли), а также ВКЛ и Ливонии.

Фамильные прозвища посадских людей, зафиксированные в ПК 1497/98, позволяют предположить, что между ними существовали родственные связи. Так, мы можем наблюдать, как прозвище Шамра превращается в фамилию Шамрин, однако вероятность того, что носители этого фамильного прозвища приходятся друг другу родственниками, остается пока под вопросом [Анкудинов, 2009, с. 19]. Еще одно семейство, которое можно выделить с достаточной уверенностью, Ивонины, состояло из трех мужчин-дворовладельцев: известны Ивашка и его брат Гридка Ивонины, жившие в Мининском конце [Анкудинов, 2009, с. 31], а также Палка Ивонин, которому были даны на оброк три пожни (бывшие Богородицкого Лисицкого монастыря) на 300 копен сена [Анкудинов, 2009, с. 323]. Однако данные предположения о родственных связях посадских людей остаются во многом гипотетическими: ситуация значительно осложняется отсутствием отчеств у посадских людей, чьи прозвища мы знаем, и тем, что фамилии зачастую неотличимы от отчеств.

Указания на профессиональные занятия посадских людей встречаются в ПК 1497/98 крайне редко. Уникальным в своем роде является упоминание сводников: представители этой «профессии», сводник Гал и сводница Трясца, жили на бывших дворах Кирилла Тарасьина в Мининском конце [Анкудинов, 2009, с. 21]. Не менее примечательно, что среди жителей посада Старой Руссы фигурируют даже два скомороха с характерными некалендарными именами Любивец и Огибало [Анкудинов, 2009, с. 19, 27]. Начиная с середины XVI в. скоморохов, наравне с ворожеями и волхвами, предписывалось изгонять из общины [Акты ..., 1836, с. 267]. В дополнение к своему основному роду занятий посадские люди могли заниматься и другими промыслами: так, например, лубник Алексей (Олекса) Микифоров владел пожнями (сенокосами) и тонями (рыболовецкими угодьями) [Анкудинов, с. 323]. Представляет интерес также кейс своеземца Григория Дорофеева, свидетельствующий об отсутствии четкого разграничения между светскими и церковными занятиями. Будучи своеземцем, т.е. землевладельцем эпохи независимости, не лишившимся своих владений при новой власти, Григорий Дорофеев одновременно с этим служил пономарем Дмитровской церкви [Анкудинов, 2009, с. 19]. Это не единственный случай в новгородской истории рубежа XV–XVI вв., но довольно примечательный [Селин, 2003, с. 316–338]. Совладельцем двора Григория Дорофеева, на котором он проживал сам, был Василий Кузмин Смолков с Боришы улицы (вероятно, тоже своеемец): помимо половины двора, он также владел лавкой [Анкудинов, 2009, с. 19, 33].

Еще одно преимущество ПК 1497/98 как источника заключается в том, что она дает представление о структуре домохозяйств. Хозяевами дворов, как правило, были отцы с сыновьями (иногда приемными – пасынками и «приемышами») или братья, однако в ряде случаев встречаются упоминания и других родственников. В качестве совладельцев дворов регулярно упоминаются зятья и шурины. Это может служить доказательством того, что после свадьбы муж переезжал на двор к семье жены (ее братьям и тестю), т.е. становился примаком.

Для Старой Руссы характерна крайне высокая плотность населения, что было отмечено еще В. Н. Бернадским. Так, по подсчетам исследователя, на один двор в Старой Руссе приходилось в среднем около 3 человек (на 21% дворов проживало по 5 и более человек), тогда как для других городов Новгородской земли это соотношение составляет 1,5 человека на двор [Бернадский, 1961, с. 136]. Большое число жильцов, как считал В. Н. Бернадский, должно указывать на крупные размеры дворов [Бернадский, 1961, с. 136], хотя это также может свидетельствовать и о скученности населения. Помимо самих дворовладельцев, на многих дворах обитало значительное число подсоседников («соседей»). Согласно подсчетам В. Н. Бернадского, «соседи», присутствие которых отмечено почти на каждом втором дворе (для Рогова конца это соотношение еще выше – 57% дворов с подсоседниками) [Бернадский, 1961, с. 138], составляли не менее трети от всего взрослого мужского населения Старой Руссы [Бернадский, 1961, с. 136]. Максимальное количество подсоседников, проживавших на одном дворе, могло достигать до 8 человек (см., например, двор Олексейки и Максимки Пудовых [Анкудинов, 2009, с. 20]). По мнению В. Н. Бернадского, большое число «соседей» – такая же важная отличительная черта Старой Руссы, как и внушительная площадь дворов [Бернадский, 1961, с. 136]. Г. С. Рабинович, вслед за

В. Н. Бернадским, полагает, что дворовладельцы использовали труд зависимых от них «суседей» при добыче соли [Бернадский, 1961, с. 141; Рабинович, 1973, с. 88]. В обмен на право жить на дворе подсоседники работали на хозяйских варницах, которые могли располагаться прямо на территории усадьбы. Многочисленность «суседей», в свою очередь, позволяла удовлетворить потребность в рабочей силе: для функционирования одной варницы требовалось как минимум 5 человек [Бернадский, 1961, с. 138; Рабинович, 1973, с. 93]. Кроме того, в ПК 1497/98 встречаются упоминания «сябров» (они отмечены на 4 дворах) [Анкудинов, 2009, с. 22, 23, 28]. Представители этой категории населения, в отличие от находившихся в зависимости от дворовладельцев подсоседников, являлись совладельцами дворов. «Сябры», судя по всему, жили отдельно, и поэтому у них могли быть свои собственные «суседи» [Анкудинов, 2009, с. 22, 28]. К дворам «сябринного» типа также следует отнести поистине огромное хозяйство Микифора Короля [Анкудинов, 2009, с. 23]. По мнению В. Н. Бернадского, описание этого двора дефектно, но его можно реконструировать следующим образом: на дворе проживал сам Микифор с тремя «суседами» и трое его «сябров» (имя одного из них и слова «да сябры его» пропущены) с четырьмя подсоседниками [Бернадский, 1961, с. 140–141]. Таким образом, численность взрослых мужчин (дворовладельцев, «сябров» и «суседей»), живших на одном дворе, в Старой Руссе могла достигать 10–11 человек.

Среди жителей посада выделяются некоторые, очевидно, зажиточные семейства посадских людей, не только владевшие дворами, но имевшие по нескольким лавок или мостков. Так, Ивашка Онуфреев Бородач / Бородуля единолично владел двумя лавками [Анкудинов, 2009, с. 33, 34], Смешко Минин – четырьмя [Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв., 2009, с. 34], а холщевник Микифор имел две лавки на Порусском мостку [Анкудинов, 2009, с. 33]. На Пятницком мостку, где торговали рыбой, у Палки Овсевова было два мостка, а у Микитки Обабстырева – целых шесть рыбных мостков [Анкудинов, 2009, с. 33]. Другим источником дохода были пожни, на которых заготавливалось сено, и тони – рыболовецкие уголья. Несмотря на отрывочность сведений мы можем констатировать, что самые значительные владения были сосредоточены в руках трех посадских людей: Ортема Плешивого, Ивашки Боярина и лубника Олексея (Олексы) Микифорова – частью этих угодий они владели совместно [Анкудинов, 2009, с. 323].

В заключение, следует отметить, что поскольку Старая Русса специализировалась на солеварении, то часть домохозяйств выплачивала тягло («позем») в натуральном эквиваленте – «розмером соли». Так, согласно подсчетам В. Н. Бернадского, 90% дворов Юрьева монастыря в Роговом конце платило «позем» именно солью [Бернадский, 1961, с. 138]. Примечательно, что посадские люди, имевшие дополнительный источник дохода в виде лавок, пожен и тоней, за редким исключением, выплачивали «позем» не солью, а деньгами (см. Ивашка Булгак, Ивашка Боярин, Ивашка Голуза, Ивашка Онуфреев Бородуля / Бородач [Анкудинов, 2009, с. 14, 17, 18]). Данная закономерность может говорить о специализации хозяйств: вероятно, те дворовладельцы, чьи доходы были достаточно высокими, со временем переставали заниматься выпариванием соли. Варницы все больше «тянулись» к рекам, в то время как владельцы дворов, стоявших вдали от речного берега, постепенно отказывались от солеварения в пользу других промыслов.

Лавочная торговля, а также продажа сена и рыбы позволяли посадским людям накапливать определенную денежную массу, которая затем частично шла на уплату «позема».

Таким образом, ПК 1497/98 является ценным источником не только по «традиционной» экономической, но и по социальной истории Северо-Запада Руси конца XV в. Дальнейшая работа с этими материалами позволит уточнить наши, пока еще предварительные, выводы, а также сопоставить данные ПК 1497/98 с более поздними описаниями Старой Руссы XVII в.

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV – XVII в.: человек и малый город» (ЦИИ НИУ ВШЭ СПб – ЦАИ НовГУ).

Литература

- Акты... (1836). *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук*. Т. 1. СПб.
- Анкудинов И. Ю. (сост.). (2009). *Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв.* М.: НП «Рукописные памятники Древней Руси».
- Бернадский В. Н. (1961). *Новгород и Новгородская земля в XV веке*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Веселовский С. Б. (1974). *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М.: Наука.
- Ганжина И. М. (2015). Вокалическая субституция в области христианских личных имен: гласные в начале слова. *Вестник ТвГУ, Сер. Филология*, 1, 141–145.
- Дополнения... (1846). *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией*. Т. 1. СПб.
- Рабинович Г. С. (1973). *Город соли – Старая Русса в конце XVI – середине XVIII вв. (К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности)*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Селин А. А. (2010). Имена служилых людей Новгорода начала XVII в. *Palaeoslavica*, XVIII/1, 32–50.
- Селин А. А. (2003). Судьбы новгородских своеземцев в XVI–XVII вв.: заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода. *Новгородский исторический сборник*, 9(19). СПб.: Дмитрий Буланин, 316–338.
- Унбегаун Б. О. (1972). *Русские фамилии*. М.: Прогресс.
- Чибисов Б. И. (2017). Состав населения Русы по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 года. *Вестник ТвГУ, Сер. История*, 1, 149–160.

References

- Akty... (1836). *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivah Rossiyskoy imperii Arheograficheskoy ekspeditsiyey Imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in the Libraries and Archives of Russian Empire by the Archeographical Expedition of Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg.
- Ankudinov I. Yu. (comp.). (2009). *Pistsovye i perepisnye knigi Staroy Russy kontsa XV–XVII vv.* [Pistsovye and Perepisnye Knigi of Staraya Russa of the Late 15th – 17th Centuries]. Moscow.
- Bernadsky V. N. (1961). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke* [Novgorod and Novgorod Land in the 15th Century]. Moscow, Leningrad.
- Chibisov B. I. (2017) Sostav naseleniya Rusy po dannym pistsovoy knigi Shelonskoy pyatiny 1497/1498 goda [The Composition of the Population in Rusa According to Cadastres of the Shelonskaya Pyatina in 1497/1498]. *Vestnik TvGU. Ser. Istoriya*, 1, 149–160.
- Dopolneniya... (1846). *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye Arheograficheskoy komissiyey* [Supplements to Historical Acts collected and edited by the Archeographical Commission]. Vol. 1. St. Petersburg.
- Ganzhina I. M. (2015). Vokalicheskaya substitutsiya v oblasti khristianskikh lichnykh imen: glasnye v nachale slova [Vowel Substitute of the Christian Personal Names: Vowels at the Beginning of Words]. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya*, 1, 141–145.

- Rabinovich G. S. (1973). *Gorod soli – Staraya Russa v kontse XVI – seredine XVIII vv. (K voprosu o genezise kapitalizma v russkoy promyshlennosti)* [The Town of Salt – Staraya Russa in the Late 16th – Middle 18th Centuries (On the Genesis of Capitalism in Russian Industry)]. Leningrad.
- Selin A. A. (2010). Imena sluzhilykh liudey Novgoroda nachala XVII v. [The Names of Novgorodian Service People of the Early 17th Century]. *Palaeoslavica*, XVIII/1, 32–50.
- Selin A. A. (2003) Sud'by novgorodskikh svozemtsev v XVI–XVII vv.: zametki po istorii sudeb potomkov zemlevladel'tsev respublikanskogo perioda [The Fates of Novgorodian Svozemtsy in the 16th – 17th Centuries: Notes on the History of the Republican Period Landowners' Descendants]. Coll. of papers *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*, 9(19). St. Petersburg, 316–338.
- Unbegaun B. O. (1989). *Russkiye familii* [Russian Surnames]. Moscow.
- Veselovsky S. B. (1974). *Onomastikon. Drevnerusskiye imena, prozvitscha i familii* [Onomastikon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторах

Адриан Александрович Селин – доктор исторических наук, профессор Департамента истории, главный научный сотрудник Центра исторических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); ORCID: 0000-0002-8891-2105; aselin@hse.ru

Виталий Игоревич Клейменов – студент 4-го курса ОП бакалавриата История, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); ORCID: 0009-0008-1850-6452; vikleyenov@edu.hse.ru

A. A. Selin, V. I. Kleymenov

THE POSAD PEOPLE OF STARAYA RUSSA ACCORDING TO THE PISTSOVAYA KNIGA (CADASTRES) OF 1497/98: PRELIMINARY OBSERVATIONS

Abstract. The article deals the aspects of social history of Staraya Russa inhabitants according to the *pistsovaya kniga* (cadastres) of 1497/98. Based on the analysis of this source, the number landowners in the times of Novgorod independence is calculated, and the origin of *svozemtsy* (small landowners) is determined. Regarding the *posad* people (inhabitants of a trading quarter), the issues of their naming, mobility and occupation are considered. Besides, the structure of households is discussed. Further work will clarify the findings, as well it will give an opportunity to compare this data with the later descriptions of Staraya Russa in the 17th century.

Keywords: social history, *posad* people, small town, *pistsovye knigi*, Staraya Russa, 15th century

For citation: Selin A. A., Kleymenov V. I. (2023). The *posad* people of Staraya Russa according to the *pistsovaya kniga* of 1497/98: preliminary observations. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 465–473. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).465-473